

Елена Шанина: когда приходил успех — казалось, это начало конца

Татьяна Рассказова

— В свое время дебютная роль Неле-Анны-Беткин в «Тиле» мгновенно сделала вам имя. Марк Захаров отыскал вас на стороне, или к моменту его прихода в театр юная актриса уже безвестно прозябала в труппе Ленкома?

— Нет, я тогда заканчивала ленинградский Институт театра, музыки и кинематографии, училась на курсе Игоря Владимировича, а в Москве пробовалась на главную роль в «Романсе о влюбленных». И хотя меня не утвердили — героиню сыграла очаровательная Елена Коренева, — но режиссерская группа отнеслась ко мне очень тепло. Второй режиссер Галя Бабичева предложила через Сашу Збруева обратиться на меня внимание нового ленкомского главрежа. Вскоре театр привез в Питер свой «Автоград», и Марк Захаров посмотрел мою дипломную работу — Ларису в «Бесприданнице», а спустя некоторое время мне позвонили из Москвы и сказали, что через четыре дня я должна сыграть Нелю в «Тиле», премьера которого недавно состоялась. Я поняла, что это мой шанс.

— То есть ваши перспективы в Ленинграде выглядели проблематично? Владимир в свой театр не приглашал?

— Дело в том, что когда мы поступили — а курс набирался при театре, — у Игоря Петровича была очень сильная талантливая труппа, включавшая Алису Фрейндлих, Дьячкова, Петренко, Солоницына, Равикovichа и других замечательных актеров. К концу же нашего обучения появились симптомы кризиса, актеры стали потихоньку уходить. При этом мне казалось, что лет до тридцати нам, молодым, из массовки не выбраться. Я даже чуть было не подписала контракт с Петропавловским драматическим театром, где обещали сразу семь главных ролей, — играть-то хотелось.

— К тому же, хотя я считалась одной из лучших учениц Владимировича, у нас уже намечались внутренние разногласия. Он полагал, что из любой актрисы может сделать Алису Фрейндлих, что все зависит только от него, а меня видел лишь в качестве голубой героини. То есть он был доволен и Ларисой Огуловой, и чеховской Попрыгуней, говорил, что все это замечательно, но... «Джюльетту в сцене с веревками ты играла лучше, чем Фрейндлих. Вот это и играй». А я чувствовала, что меня загоняют в тесные рамки.

— Итак, уже много лет вы работаете в труппе Захарова, причастны к созданию самых громких его хитов. А как выглядело наиболее сложное, парадоксальное или неожиданное для вас задание мэтра? С чем вам трудно было справиться?

— На самом деле трудно было всегда, потому что даже если приходил успех, то вскоре возникало понимание: это может стать началом конца. Допустим, работой в спектакле «В списках не значился» я поставила на себе в определенном смысле крест.

— То есть как? Мне казалось, вы с замечательной трагической силой сыграли еврейскую девочку, к которой первая любовь приходит почти одновременно со смертью.

— В том-то и дело. Захарову так понравилась моя роль, что он уже не воспринимал меня ни в каком ином качестве. Когда вскоре я попала в массовку в «Звезде и смерти Хоакина Мурьеты», то очень плакала: решила, что это конец. Тем более, что в театр пришла молодая талантливая Догилева и получила главную роль в «Жестоких играх», а я — лишь маленький эпизод. Казалось, Захаров считает, будто я исчерпалась, набрала свой пик — все, можно отправлять в массовку.

— Да и с самого начала ситуация, когда в театре работает суперзвезда Инна Чурикова, с которой вы в очередь играете в «Тиле», предполагало, что Шанина всегда будет нескладно в тени, как бы успешно ни проявила свои профессиональные качества. Насколько болезненно вы это переживали?

— Я страдала, конечно, но никого никогда не винила. Были тяжелые моменты: Инну всякий раз уговаривали играть, я же выходила в «Тиле» только в том случае, если она почему-либо не могла. Так что иногда я уже надевала костюм, но появлялся Захаров и сообщал, что она все-таки согласилась. А с чисто профессиональной точки зрения было сложно еще и потому, что иногда случалось по два месяца не прикасаться к роли. Это значило, что глаз режиссера и партнеров привыкал к другим краскам, им трудно было переключиться на меня после Чуриковой, которая совершенно потрясающе играла Неле-голландку, персонажа, будто бы сошедший с картин Брейгеля. У нее более мощно звучали характерные обертонны, а я выглядела в большей степени героиней и в чем-то ей проигрывала. Не только

здесь, но и в некоторых других ролях — опять же, как правило, характерных. В «Блондинке», например, меня заставляли смеяться басом — было такое чувство, будто в меня вставили аудиокассету.

В этой ситуации я довольно рано поняла, что нужно постоянно самоутверждаться. Поэтому, утерев слезы разочарования, вышла в массовке в «Звезде и Смерти...», причем завелась так, что остановить меня было невозможно, — я танцевала, пела, наслаждалась чувством сценической свободы. И тогда Захаров сказал, что это лучшая моя работа сезона; он обнаружил, что я, оказываясь, еще и гротесковая, характерная актриса, удивился... и назначил на Кончиту в «Юноне» и «Авось».

— Наверное, это самый легендарный его спектакль, в котором вы играли долго и с успехом. А как случилось, что в театре дважды ставился «Гамлет», но вас ни разу не заняли в роли Офелии?

— С «Гамлетом» у меня дважды случился, что называется, облом. В первый раз — когда Чурикова не приехала на гастроли в Ереван и меня заставили вводить

спектакль, чтобы сыграть его несколько раз и уйти красиво, передать роль молодой актрисе. Но, к сожалению, не удалось, не разрешили. Ничего не поделаешь, придется ждать других возможностей. Хотя ждать я особенно не умею, за последние годы поработала в антрепризе Романа Козака «Банан» по пьесе Мрожека «Вдовы», а недавно сделала, в сущности, бенефисную роль в спектакле «Нина» по пьесе Андре Руссена в постановке Олега Фомина.

— Существует ли притча, афоризм, может быть, просто чей-то образ, который вы вспоминаете в решающие моменты вашей жизни? Что или кто вас поддерживает?

— Должна сказать, что с детства нацелена на самовоспитание, так что пребываю в перманентной борьбе с собственными недостатками. Есть какие-то эталоны, требования к себе... Кстати, я очень прислушиваюсь к мнению врагов, потому что люди, которые тебя любят, любят тебя любой, что как ни странно, не всегда дает достаточный импульс к саморазвитию. Мне нужно получить основательный подзатыльник, чтобы моя энергетика включилась в борьбу.

Что касается человеческой поддержки, то очень много для меня сделал Евгений Павлович Леонов. Знаете, когда известный человек умирает, у него обнаруживается множество друзей. Я же назвать наши отношения дружбой не могу, потому что, разумеется, Евгений Павлович во мне не нуждался. Но он не возражал, когда я время от времени приезжала к нему выговориться, — внимательно слушал, что-то рассказывал, советовал. И его кредо — умей нести свой крест и веруй — я усвоила. Он считал, что пусть даже ты ходишь на голове в самом что ни на есть эксцентрическом спектакле, но если не хочешь себя тратить, рвать собственное сердце, — настоящим актером не станешь...

— Сейчас, насколько я знаю, вы репетируете мадемуазель Бланш в «Игроке» Достоевского. Тяготит или радует новая работа?

— Когда Захаров предложил эту роль, я просто летала. Мне показалось, что можно сыграть уставшую от борьбы за существование женщину, которой хочется зачеркнуть прошлое, стать порядочной. А для этого нужно, как ей кажется, всего лишь сделаться генеральшей да получить миллион, и тогда уж отмыться, начать новую жизнь жены и матери. Но оказывается, нет, невозможно.

— Режиссер, судя по всему, не принял вашу версию?

— Не то что не принял, я просто вижу, что он выстраивает все иначе и что мне придется играть куртизанку высокого класса и только. А мне это, во-первых, не очень интересно, а во-вторых, несколько поздновато. Актриса должна безошибочно определить момент своей биографии, когда женское кокетство подлежит вытеснению на задний план, иначе она будет выглядеть жалко и смешно.

— Вы столько лет храните верность своему театру — может быть, давно стоило затеять профессиональный адюльтер?

— Может быть, и стоило. Потому что все-таки Ленком — театр, ориентированный прежде всего на молодежь, и иногда люди с именем, вышедшие из юношеского возраста, чувствуют себя здесь так, будто им платят за прежние заслуги, будто они становятся какой-то обузой. Вроде бы вышвырнуть нельзя, кажется, никто и не пытается, а только пришли новые актеры, сильные и моложе, — они лучше танцуют, поют и прыгают. Но существуют другие театры, где ценится опыт, мастерство, профессиональные накопления, которые не измеряются физической выносливостью и неутомимостью.

Захаров знает, как понравиться своему зрителю, и он не рискует, а если рискует, то после «строгого» спектакля должен обязательно выпустить шлягер для широкой публики.

— Если бы у вас была возможность сыграть у любого режиссера и в любой актерской компании, то в какой пьесе хотели бы поработать?

— Всю жизнь мечтала сыграть Чехова, чувствую, что это мой автор, но приглашения ни в один чеховский спектакль не удостоилась. Как видно, породой не вышла.

...Когда-то Эфрос собирался ставить у нас «Гедду Габлер» с Чуриковой и со мной, но и эта мечта не осуществилась.

— Скажите, вы кому-нибудь всерьез завидовали?

— К счастью, нет. Я такая индивидуалистка, что ценю только свою собственную жизнь, а чужой на себя не примериваю. Для меня это было бы нестерпимо — все равно, что надеть наизулагантнейший туалет, тогда как точно такой же уже носит кто-то из знакомых.

ся за два дня. Представляете, все укатили в горы пить вино и наслаждаться красотами природы, а мы с Абдуловым, который вошел на Лаэрта вместо Караченцова, мрачно ходили по пятам за вторым режиссером и бубнили текст. Причем меня к тому же еще и трясло.

Честно говоря, при всем восхищении мастерством Чуриковой ужасно не хотелось играть с ней в паре. Ну в общем, бог был на моей стороне, потому что не приехал еще и Солоницын, в результате Тарковский вообще отменил спектакли. Когда это случилось, я села и заплакала — просто от пережитого напряжения. Тогда ко мне подошел директор: «Не плачь, не надо: ты будешь играть эту роль». А я ему с ревом: «Ни за что!»

А идея второго спектакля возникла у Чуриковой и Панфилова во время отдыха в Сочи. Поначалу они хотели, чтобы Гамлета играл Збруев, а мне тут же, за столом, за компанию, предложили Офелию. Со временем все перерешили: Збруев сыграет не Гамлета, а Клавдия, Гамлетом будет Янковский, а я... Словом, однажды на каком-то спектакле меня вызвал Захаров: «Видите ли, Леночка, не знаю, почему Панфилов попросил поговорить с вами меня, но он решил, что Офелию должна играть Александра Захарова. Ему нужна совсем еще девочка — нервная такая, странная...» В общем, я поняла: пережив все это, я могу уже играть не Офелию, а Гамлета.

С другой стороны, может быть, и не надо было тогда заниматься Офелией и снова вступать в борьбу с амплуа голубой героини. Я ведь уже играла на малой сцене монологом Жана Кокто «Человеческий глос» в спектакле «Карманный театр». Мне кажется, эта работа много сложнее и объемнее.

— Вы можете рассказать, в каких выражениях актрису снимают с роли? Ведь в той же «Юноне» вы больше не заняты, хотя спектакль все еще идет.

— Собственно, туча нависла надо мной довольно давно — еще перед гастрольями в Нью-Йорке. В театре тогда поговаривали, будто американцы не поймут, почему актриса, которой за тридцать, играет шестнадцатилетнюю девочку. И пробоваться на мою роль потянулась вся Москва.

— Вам любопытно было посмотреть показы претенденток?

— Любопытно?! Я думаю, человек с другим характером мог в этой ситуации попасть в клинику. В итоге, когда Захаров спросил нашего завлита: «Все-таки что будем делать с кончитами?» — тот ответил: «С кончитами надо кончать». В общем, я интенсивно над собой поработала и поехала-таки в Нью-Йорк. Правда, уже в обществе дублерши. Я понимала, что нужно принимать решение...

После рождения дочери мне очень хотелось привести себя в хорошую форму и вернуться в

32